

Виталий Лапик

Печать Текрополя

Виталий Лапик

Печать Текрополя

«Автор»

2026

Лапик В.

Печать Текрополя / В. Лапик — «Автор», 2026

Текрополь — страна, хранящая древнюю Печать. Правитель Текрополя, потомок великого рода, привык полагаться на силу своего дара и верность соратников. Сможет ли он лишившись части себя выстоять в битве за свою страну. «Печать Текрополя» — первая книга эпического фэнтези о предательстве и верности, о хрупкости силы и стойкости духа, о женщинах, меняющих ход истории, и о древней магии, которая всё ещё жива в тех, кто готов за неё сражаться."

© Лапик В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт I: Пепел и Предательство	5
Глава I. Ночной побег	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Печать Текрополя

Акт I: Пепел и Предательство

Глава I. Ночной побег

Ночь укрыла Текрополь плотным, беззвёздным одеялом. Полная луна висела над Саттином, заливая холодным серебром бесчисленные шпили и башни, отражаясь дрожащей дорожкой в водах каналов, прорезавших тело великого города. Казалось, сама столица спит, убаюканная тихим плеском волн о каменные набережные и далёким скрипом корабельных мачт в порту.

Касиль проснулся мгновенно, без перехода от сна к бодрствованию. Сердце колотилось о рёбра, а во рту стоял металлический привкус — верный спутник его дара, когда тот решал заговорить без спроса. Он сел на постели, вслушиваясь не в звуки, а в нечто более тонкое. В эфир. В само естество Текрополя, которое он чувствовал, как опытный врач чувствует пульс больного.

Что-то ушло. Не просто смолкло, не затаилось — именно покинуло. Словно часть тепла вытекла из тела страны, оставив зябкую, неестественную пустоту. Его предвидение молчало, не давая образов, но чутьё, отточенное годами службы, кричало громче любого видения.

Он встал, подошёл к окну, выходящему на внутренний двор дворца. Всё было спокойно. Луна освещала знакомые крылья министерств, башни совета, мощёный плац. Но покой этот был обманчив. Где? Что именно произошло? Касиль закрыл глаза, пытаясь ухватить ускользающую нить. Пустота. Не в Саттине. Южнее. Там, где старая кровь, старые стены, старые обиды.

Он уже знал ответ, но не хотел в него верить.

Саттин, новая столица Текрополя, раскинулся на северном краю страны, там, где две могучие реки, сжимая город в стальных объятиях, выносили свои воды к заливу. Правитель Торем выбрал это место с расчётом полководца: если враг придёт, он ударит сначала сюда, в этот каменный кулак, а не в сердце страны. И город строили, помня об этом.

Это был город мостов и каналов. Широкие водные артерии, обрамлённые серым камнем набережных, несли на себе бесчисленные лодки, баржи и гондолы — торговцы, ремесленники, гонцы сновали по воде, минуя сухопутные пробки узких улочек. Над каналами вздымались мосты — от скромных каменных арок до величественных виадуков, украшенных резьбой и статуями предков. Главные дороги для колёсного транспорта и пеших проходили по суше, но истинной кровеносной системой города была вода.

В центре возвышался дворец правителя — не просто дворец, а крепость внутри крепости. Его башни, пронзающие небо, видели море за десятки лиг. Крылья дворца, соединённые переходами и галереями, вмещали министерства, военный совет, залы собраний Столпов. От дворца лучами расходились основные проспекты, упираясь в систему внешних укреплений: опорные пункты, сторожевые башни, гарнизонные казармы. Саттин строился как первый и последний рубеж обороны, и каждый камень здесь помнил об этом.

На окраинах, вдоль обеих рек, раскинулись корабельные верфи — гордость Текрополя. Мастера-корабелы создавали суда, что не боялись ни штормов, ни магических атак. А там, где реки сливались и выходили в залив, на вечном дежурстве стояли два исполинских военных корабля — «Лиара» и «Дабр», наречённые в честь отца и матери Торема. Их силуэты, словно спина морских чудовищ, чернели на горизонте. Ни один вражеский корабль не проходил мимо них незамеченным.

В гарнизонах Саттина несли службу не простые солдаты. Здесь были те, кому открылся дар — воины, способные вкладывать свою жизненную энергию в каждый удар меча, делая его смертоноснее в десятки раз. Или щитonosцы, чей внутренний резерв материализовывался вокруг них полупрозрачной сферой, удерживающей как стрелы и клинки, так и боевые заклинания. Рядом с ними трудились техники — мастера особого ремесла, именуемого Смешением. Они не были магами в чистом виде, их дар лежал в иной плоскости: они умели соединять несоединимое, сплавлять свойства материалов, усиливать орудия и укрепления тем, что рождалось на стыке природных элементов и человеческой воли. Годами они улучшали линию обороны, создавая орудия, способные отбросить от стен города целую армию.

План был ясен: встретить, отбить натиск, откинуть врага от стен.

Но сейчас Касиля тревожила не внешняя угроза. Тьма, которую он почувствовал, пришла не из-за границ. Она поднялась изнутри.

Миния, старая столица, лежала к югу, там, где когда-то билось сердце Текрополя. Город, в отличие от Саттина, не строился по единому плану — он рос стихийно, из маленького поселения превращаясь в центр страны. Его улицы были уже, запутаннее. Здесь не было величественных каналов, лишь одна река огибала окраину, связывая Минию с новой столицей водным путём. В центре города, на широкой площади, высились соборы лекарей и ордена Печати — древние здания, помнившие времена, когда Печать только была установлена.

Дворец правителя — бывший дворец — стоял здесь же. Теперь он выглядел иначе, чем в дни своего величия. Свет в его окнах горел тускло, залы заседаний пустовали. Министерства, приказы, советы — всё переехало в Саттин. Здесь осталась только память. И первая жена Торема, Дифелия.

Развод был громким. Столпы по линии Дифелии — а их было немало — восприняли его как оскорбление всему своему роду. Они не приняли переезда, остались в Минии, и их влияние при дворе, некогда огромное, сошло на нет. Они затаили обиду. Глубокую. Опасную.

Торем не запрещал бывшей жене жить в старом дворце. Он видел в Рэниане, их сыне, будущего наследника, продолжателя рода. Но Рэниан, слушая с детства шёпот материнской родни, всё дальше уходил от отца. Он отказался переезжать в Саттин. Отказался помогать в правлении. Его обида, вскормленная старыми Столпами, росла, как сорняк, заглушая чувство долга и ответственности за страну.

Явель, правитель Азигота, умел ждать и умел слушать. Через тех самых опальных Столпов он нашёл путь к сердцу Рэниана. Завязалась переписка. Сначала невинная — советы «дружественного» монарха молодому принцу. Потом более откровенная. Обещания. Видения будущего, где Рэниан — на троне, где старые порядки восстановлены, а Саттин — лишь военный форпост, а не столица. Где его мать снова в почёте. Где он не просто сын своего отца, а самостоятельный правитель.

На момент переноса столицы Азигот ещё не показывал свою враждебность открыто. Но шли годы, и Явель плёл свою сеть терпеливо, дожидаясь момента.

Этот момент настал...

Касиль стоял у окна, сжимая подоконник до побелевших костяшек, когда понял, откуда исходит пустота. Миния. Он потянулся своим даром на юг, за много лиг от Саттина, и ощутил, как тьма — чужая, не текропольская, пахнувшая песком и сухим ветром пустынь Азигота — смыкается над старой столицей. Это была не атака. Это была пелена. Магический мрак, скрывающий то, что должно остаться тайной.

В старом дворце Минии, в покоях, которые когда-то принадлежали правителю, Дифелия накинула на плечи дорожный плащ. Её лицо было спокойно, лишь в глубине глаз тлел уголь многолетней ненависти — не к мужу даже, а к тому, что он олицетворял: к новой столице, к новой жене, к новому будущему, в котором ей не было места.

Рэниан стоял у дверей. Высокий, статный, с отцовскими чертами, но без отцовской тяжести во взгляде. Вместо неё — нетерпение. Он не оглянулся на покои, которые покидал навсегда. Он смотрел только вперёд.

Их шаги гулко отдавались в пустых коридорах. Стража? Её не было — старая гвардия, верная Дифелии, знала, когда нужно быть слепой и глухой. Внутренний двор, увитый плющом, встретил их тишиной. У калитки, скрытой от посторонних глаз, ждала закрытая карета без гербов.

Возница — посланник Явеля — не проронил ни слова. Он поднял руку, и тьма сгустилась вокруг них. Это была магия Азигота, древняя, песчаная, вязкая. Она окутала карету, заглушая звук копыт, скрадывая очертания. Луна над Минией словно померкла на миг, отводя свой взгляд от происходящего.

Когда пелена рассеялась, внутренний двор был пуст.

Карета уже катила по южному тракту, прочь от Текрополя. К границе, где кончалась власть Торемова дара и начинались земли, подвластные Явелю. Дифелия сидела, откинувшись на спинку сиденья, закрыв глаза. Рэниан смотрел в окно, на проплывающие мимо тёмные поля, и на его губах играла тень улыбки. Он не знал, что покидает не просто страну. Он покидал Печать. И чем дальше увозила его карета, тем слабее становилась связь с древней силой рода, которую он так и не научился ценить.

В Саттине Касиль резко выдохнул, словно его ударили в грудь. Он понял. Понял, что ушло. Понял, кого больше нет в пределах досягаемости его дара.

Он опустил в кресло, потёр виски. Предвидение наконец проснулось, явив обрывок: тёмная дорога, карета, зелёные глаза — не Торема, а молодые, обиженные, — глядящие назад, на покинутый Текрополь, с холодным торжеством.

Наследник бежал.

Завтра об этом узнает Правитель. Завтра начнётся всё.

Но пока — стояла ночь, и полная луна бесстрастно освещала две столицы: одну, полную жизни и готовую к войне, и другую, опустевшую навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.